

*Soda
Press*

TRACI CHEE

**WE ARE
NOT FREE**

ТРЕЙСИ ЧИ

У НАС ОТНЯЛИ
СВОБОДУ

Перевела с английского

Мария Мельникова

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Ч-58

WE ARE NOT FREE
By Traci Chee

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Published by arrangement with Clarion Books/
HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers.

Чи, Трейси.
Ч-58 У нас отняли свободу : [роман] / Трейси Чи ; пер. с англ. М. Мельниковой. — Москва : Soda Press ; Эксмо, 2026. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-04-242370-3

Что ты сделаешь, если у тебя отнимут единственный дом, который ты знал?

Вскоре после атаки японцев на Перл-Харбор жизнь четырнадцати японо-американских подростков безвозвратно меняется. Статьи в газетах. Враждебные взгляды. Комендантский час. Выселение. Отправка в лагеря. Пока за пределами страны бушует Вторая мировая война, им предстоит разобраться, можно ли считать себя свободными гражданами, если собственное государство швырнуло их за колючую проволоку.

В мире, который вознамерился их ненавидеть, единственное, что им остается — держаться друг за друга.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Мария Мельникова, перевод на русский язык, 2024

© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026 Soda Press

Copyright © 2020 by Traci Chee

Иллюстрации на стр. 60-61 и на стр. 399 © 2020 Julia Kuo

Paper texture © Houghton Mifflin Harcourt

Jacket design by Jessica Handelman

Jacket illustration of characters © 2020 by John Lee

Jacket photo-illustration © 2020

ISBN 978-5-04-242370-3

*Моим бабушкам и дедушкам,
Маргарет и Питеру Китагаве и Сатико и Митио Ивате;*

*их братьям и сестрам,
Кодзиро Кавагути, Юки Окуде, Мэри Утияме, Мидори Гото,
Джейн Имуре, Сабуро Китагаве, Ёсиро Китагаве, Наоми Огаве,
Муцуо Китагаве, Ёсими Хамаде, Эмико Аоки, Кацуко Куранаге,
Теруко Хамаде, Хироси Хамаде, Эйко Маеде, Синобу Хамаде,
Мицуко Отоа, Минору Накано, Осуэ Окано; и Джейн Китагаве
и Айдзи Утияме с любовью и благодарностью*

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

ИМЯ	ДРУГИЕ ИМЕНА	СЕМЕЙНЫЙ НОМЕР	ПОЛ	ВОЗРАСТ НА МОМЕНТ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ	АДРЕС ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ	
ИТО	Масару	Мас	22437	М	20	Сан-Франциско, Калиф.
	Сигео	Сиг	22437	М	17	
	Минору	Пескарик	22437	М	14	
КАЦУМОТО	Стэнли	Стэн	20115	М	18	Сан-Франциско, Калиф.
	Мэри		20115	Ж	15	
КИМУРА	Кейко		21744	Ж	16	Сан-Франциско, Калиф.
НАКАНО	Хироми	Бетт	22804	Ж	17	Сан-Франциско, Калиф.
	Юки		22804	Ж	14	
ОИСИ	Эми	Ям-Ям	21239	Ж	16	Сан-Франциско, Калиф.
ТАНИ	Киёси	Ёс	10690	М	16	Лос-Анджелес, Калиф.
ФУДЗИТА	Фрэнсис	Фрэнки	22585	М	19	Сан-Франциско, Калиф.
ХАРАНО	Том	Томми	20695	М	16	Сан-Франциско, Калиф.
	Айко	Айк	20695	Ж	13	
ХАСИМОТО	Дэвид	Шустрик	22603	М	17	Сан-Франциско, Калиф.

ВОИ

ТРЕННЫЕ

1500 УБИТЫХ ЯПОН

ГРЕСС ГОЛОСОВАЛ ЗА ВО

МЕЖДУ США И ЯПОН

00 ПОГИБЛИ НА ГА

ОВЫХ КОРАБЛЕЙ ЗАТОНУЛИ ТО

**ПОНСКАЯ
БОМБА**

ДХУ

ВО

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫ

НА А ЭКС-

И ВЫПУСК

НЦЫ БОМБЯТСЯ США

ОЙНУ
ИЕЙ

ВОИНА

ВАИЯХ ЯПОНИИ

КИО

ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ АМЕ

ИИНА

ПУСК

АМЕРИКА ВСТУПИЛА В ВОЙНУ

МЫ НИКОГДА НА СЕБЯ НЕ ПОХОЖИ

ПЕСКАРИК, 14 лет

МАРТ 1942

С атаки на Перл-Харбор прошло уже больше трех месяцев, и мой старший брат Мас велел мне каждый день после школы идти сразу домой. «Садись на автобус, — сказал он. — Нечего шляться, — сказал он. — Я это серьезно, Пескарик».

Я раньше любил ранним вечером возвращаться домой пешком, разглядывая все интересное, что происходит в городе: как раскапывают могилы на кладбище Святого Креста, как вырастают новые здания на пустырях, как дети, болтая, выходят из Кинмон Гакуен, старой школы, где учат японскому.

Но школа с прошлого декабря не работает — в ней устроили пункт гражданского контроля, потому что после Перл-Харбора все для нас изменилось. Ввели новый комендантский час с восьми вечера. Люди стали поговаривать о принудительном переселении. А Мас предупредил меня, чтобы я не болтался на улице в одиночку. «Не делай ничего такого, что они могут посчитать предосудительным, — сказал он. — Не давай им повода».

И я не давал.

До сегодняшнего дня.

Я не знаю, что случилось. Я вышел из средней школы Джорджа Вашингтона, пошел, как всегда, к автобусной остановке, увидел, как ребята из футбольной команды тренируются на поле, бегают туда-сюда по траве, а позади школы, точно обещание, вздымаются красные башни моста Золотые Ворота, ничего даже понять не успел — и вот я уже сижу на трибуне, блокнот в руках, задница онемела от бетонной скамьи.

Упс.

Я в панике захопываю блокнот и мчусь мимо автобусной остановки — хоть бы успеть домой прежде, чем Мас вернется с работы. Сколько бы я ему ни объяснял, он не понимает. Иногда я так увлекаюсь рисованием, что переносю на бумагу, и угольные тросы моста и карандашные футболисты становятся для меня реальнее трибун, и травы, и школы, и, когда я возвращаюсь в свое тело, оказывается, что прошло уже несколько часов, все ушли, и я шагаю домой один, а туман между тем опускается на гавань.

Знаю, вышло бы быстрее, дождись я автобуса, но я побоюсь, что, если буду торчать один на остановке, кто-нибудь меня прогонит или начнет кричать: «Япошка!» или того хуже. Поэтому я иду пешком, а автобусы проезжают мимо меня, и я все думаю, что, как дойду до следующей остановки, надо все-таки дождаться автобуса, но...

Мас говорит, моя проблема в том, что в голове у меня вечно что-то творится, но я никогда не *думаю*.

Мой средний брат Сиг любит отвечать на это, что все потому, что я витаю в облаках, и ничего хорошего меня там не ждет.

Я все шагаю, пытаюсь решить, идти ли дальше или попробовать дождаться автобуса, и тут в окне аптеки краем

глаза замечаю рекламу купален «Сутро» и замираю как вкопанный. Какое-то мгновение в голове вертится одно: верно Мас говорит. Я *не* думаю. Надо было идти сразу домой. Надо было дожидаться автобуса. Нельзя вот так ходить по улицам. Потому что с моим лицом опасно шляться по улицам, когда три месяца как идет война.

* * *

Был декабрь, воскресенье, и мы собирались обедать, когда Мас попросил Сига включить радио, и все мы услышали, как в новостях передают, что Япония напала на Перл-Харбор.

Лицо у мамы окаменело, сделалось белым как полотно. Если бы я хотел нарисовать ее в тот момент, то нарисовал бы с поджатыми губами и испуганными глазами, висящей на бельевой веревке, колышущейся на ветру, который поднял, пролетая, бомбардировщик Накадзима B5N.

* * *

В «Сутро» нас не пускали, но я рисовал здание купален из парка Лэндс Энд (стеклянные потолки, бурное море, изъеденные приливом утесы), пытаюсь представить, каково оно внутри, под этими сияющими куполами: пахнет соленой водой и мокрым бетоном, каждый звук отдается эхом, звонким, как пощечина.

Теперь мне хочется, чтобы вся эта громада сползла в Тихий океан.

Афиша призывает: «ТЕЛО НАДО ЗАКАЛЯТЬ, ЧТОБ ЯПОНЦУ НАВАЛЯТЬ!», и в центре нарисован японский солдат — диагональные щелки глаз, ноздри как арбузные семечки, а над нижней губой нависают два огромных квадратных зуба.

Я не ахти какой великий художник, но я бы мог нарисовать что-то получше *этого*. Когда я рисую наших соседей, то глаза у них добрые, похожие на полумесяцы, на разрезанные пополам пирожки с фасолевой начинкой. Я рисую соседям нормальные носы и нормальные зубы. Если кто-то будет искать японского шпиона, думая, что он похож на парня с афиши «Сутро», то он его никогда не найдет.

* * *

После Перл-Харбора трубы в Японском квартале закурились. В гостиной мама открыла сундуки и принялась бросать в камин фамильные ценности — первым полетел в огонь японский флаг. Я помню, как она склонялась перед очагом, сложив пухлые руки на коленях, и смотрела, как языки пламени пожирают белое небо и красное солнце. Затем она сожгла письма от родственников, которых я никогда не видел, пахнущую шариками от моли дедушкину военную форму императорской армии и гравюру с древними воинами, которую я рассматривал часами (доспехи, яростные глаза, буйные всклокоченные в битве волосы). Они были совсем не похожи на меня — в джинсах и рубашке с воротником на пуговицах.

Мас пытался остановить маму (среди вещей, которые она жгла, были отцовские), но она не послушалась.

— У меня нет гражданства, — сказала она брату. — Если меня сочтут ненадежной, то вышлют, как Оиси-сан.

Мистер Оиси, отец Ям-Ям, девушки Сига, был бизнесменом с контактами в Японии. В день бомбардировки ФБР прибрало его, точно мусор.

Таких, как он и мама, власти называют «враждебными иностранцами».

Мы зовем их «иссеями». Они — первое поколение японцев, что иммигрировали в Соединенные Штаты, но натурализоваться им так и не разрешили.

В тот вечер я сидел на крыльце и рисовал Японский квартал — от крыш тянулись в небо темно-грозовые цветы, рассеивая по ветру пепел, точно семена.

* * *

Глядя на свое отражение в окне аптеки, я оттягиваю пальцами уголки глаз, чтобы посмотреть, смогу ли стать похожим на парня с афиши (не получается). За моей спиной раздается стук каблучков по тротуару — похожими на бинокли круглыми голубыми глазами на меня уставились две белые женщины в двубортных плащах, шляпках и коротких замшевых перчатках; а потом я вспоминаю, что надо идти дальше.

Проходя мимо «испанских» черепичных крыш и витражных окон Еврейского общинного центра, я чуть не влеплю себе оплеуху за то, что снова забыл. Нужно было дождаться автобуса. В голове опять звучит голос Маса: «Думай головой, Пескарик» — низкий, угрюмый, словно брат подавился бы, заставь его кто-то сказать доброе слово.

Мас — это сокращение от Масару — статный, красивый и на вид куда серьезнее, чем следовало бы быть человеку в двадцать лет. Если бы я решил его нарисовать, то нарисовал бы в виде прямоугольной гранитной плиты с вытесанными резакон губами и твердокаменными черными глазами. Иногда мне кажется, что когда Мас устремляет на меня эти свои глаза, то видит лишь пятерки, которые я мог бы получать, если бы только «приналег». Он не видит меня (Минору Ито, твердого хорошиста), не видит, что я лучше